

О России с любовью

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

•

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

•

ВЕНЕЦ ПРЯМИСЛАВЫ

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

A black and white illustration for a book cover. In the foreground, a young woman with a long, thick braid is shown in profile, looking towards the right. She wears a dark, patterned shawl over a light-colored dress and a necklace of beads. In the background, a Viking-style longship is on the water. The ship has a large, dark sail with a white, stylized bird or dragon-like figure on it. Several crew members are visible on the ship, including one at the helm. The overall scene is set against a dark, atmospheric background.

ДВЕ ЖЕНЫ
ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

РОМАН

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Две жены для Святослава : роман / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-699-92664-0

Еще мальчиком Святослав, сын Ольги и Игоря, принял на себя бремя власти. Увлеченный ратными делами, юноша и не думал о женитьбе, меж тем с детства по политическим соображениям ему были предназначены две невесты. Кого же выбрать – смолянскую княжну Прияну, о которой уже идет слава ведуньи, или древлянскую Горяну, дочь родителей-христиан?.. Святослав был готов подчиниться решению матери... до тех пор, пока не встретился с одной из девушек сам.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92664-0

© Дворецкая Е., 2016
© Нартов В., иллюстрация на переплете, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие автора

«Легенда о княгине Ольге», как она сформировалась в литературе в течение веков, включает два основных момента, два слагаемых исторического сюжета, которые сделали эту женщину знаменитой: месть за Игоря и крещение. Первая часть легенды была мной освещена в книге «Ольга, княгиня русской дружины». Пришла пора приступать ко второй.

Действие романа происходит перед поездкой княгини Ольги в Константинополь, которая по основной версии исследователей относится к лету — осени 957 года. Но к этому времени у героев цикла за плечами уже долгий путь.

Еще пока Святослав, сын Эльги и Ингвара, был отроком, для него нашлись две невесты, одинаково знатного рода и одинаково нужные для благополучия державы. Прияслава, дочь покойного смолянского князя Сверкера, восемь лет ждет, когда же почти незнакомый киевский жених придет за ней. В это время Эльга, княгиня киевская, предпочитает женить сына на Горяне, дочери своего племянника Олега Моровлянина, князя древлянского, желая таким образом соединить обе линии потомков Олега Вещего и предотвратить будущие раздоры. Самому же Святославу пока все равно: он не видел ни одной невесты и мысли его совсем о другом.

Но если дочь родителей-христиан Горяна Олеговна полагается на волю божью, то Прияна, внучка колдуньи Рагноры, готова побороться за свое счастье. После неудачной попытки бежать в Киев она, устав ждать, дает согласие другому жени-

ху. И когда Святослав наконец приезжает в Смоленскую землю, оказывается, что его невеста исчезла, а кривичи строят замыслы создания собственной державы — соперницы Русской земли.

Очень много лет я даже не думала о том, чтобы писать про князя Святослава: я его не видела и не чувствовала как человека и как образ, а еще один бронзовый монстр с чубом на голове, сергой в ухе, хмурым взглядом и тремя словами на суровых устах «Иду на вы!» никому не был нужен, в первую очередь мне самой. Но наконец я его увидела. И по-моему, образ получился. Если, конечно, помнить, что здесь ему всего девятнадцать лет и он не родился с чубом, суровым взором и все той же фразой. И прежде чем стать памятником в бронзе, лет тридцать был живым человеком.

Поскольку Святослав уже вырос, активная роль в действии переходит к нему. Княгиня Эльга за все время ни разу не покидает Киева. Но именно она управляет всем происходящим, указывает цели и сыну, и Руси в целом. Более того: именно она предпринимает шаги, призванные из военной корпорации, живущей то торговлей, то данью с покоренных народов, то грабежом, превратить Русь в державу, часть «европейского мира». А именно здесь мы переходим ко второму слагаемому ее легенды: крещению.

Мотивы, побудившие Ольгу принять христианство, составляют одну из ее загадок, ибо источниками они никак не освещены. «Похвала блаженные и великия княгини Ольги» (XVI век) говорит об этом так:

«Блаженная же великая княгиня Ольга по смерти мужа своего Игоря, великаго князя рускаго, освященна бывше божию благодатью и в сердца приимши божию благодать».

И все. Никакой конкретной причины нет. Не являлась ей во сне Богородица, не излечивалась она по чьей-то молитве от болезни, не впечатлили ее подвиги какого-либо святого

или мученика, и никакой святитель не убеждал ее в ложности идольской веры. Никакого чуда из тех, что обращают язычников, с нею не произошло. И даже традиция никакой легендой на этот счет ее не наградила. И тем не менее подобные решения, принципиально меняющие судьбу и личности, и целой державы, не принимаются просто так.

Разгул для фантазии тут самый широкий. Мотивы могли быть самые разные: от личной душевной тяги до холодного политического расчета. А скорее всего того и другого понемножку. Я постаралась осветить ее мотивы, как они мне представляются. Эльга в данном романе, почти не выходя из дома, тем не менее ведет напряженную работу мысли и совершает духовное путешествие, которое уже скоро приведет ее к необходимости на самом деле отправиться в путь за Греческое море — легендарный путь, который выведет на новую дорогу всю огромную землю Русскую. И это будет не только первый случай в русской истории, когда глава государства выезжает за границу с посольством, а не с войском — людей посмотреть и себя показать. В следующий раз нечто подобное было предпринято лишь много веков спустя, когда Петр Первый, тоже осознавший необходимость больших перемен, снарядил в Европу свое Великое посольство.

Пролог

*Смолянская земля,
3-й год княжения Станибора*

— **Я**нька, вон твой жених.

Сестра, Ведома, взяла Прияну за плечи и немного подвинула, чтобы та могла выглянуть между рукавами стоящих впереди мужчин.

Прияна потянулась на цыпочки и сразу поняла, кого ей показывают. Как она была единственным ребенком среди смолянских бояр, собравшихся перед гридницей в Свинческе, так Святослав, сын Ингвара киевского, оказался единственным подростком в рядах входившей в ворота дружины.

— Он еще маленький, — разочарованно пробормотала Прияна.

Она ожидала большего от нынешнего владыки земли Русской, за которого ее два года назад сосватали Ингвар и его жена Эльга.

— Вовсе не маленький. Старше тебя на три года. Видишь, у него меч?

Да, меч у него имелся, висел на плечевой перевязи. По размеру несколько меньше обычных, но рукоять ярко сверкала на зимнем солнце холодным серебром и жаркой медью.

— Вытянется еще, — добавила Ведома. — Глядишь, нас с тобой перерастет.

— Нас — не перерастет, — буркнула Прияна.

Она гордилась красотой сестры, рослой и стройной, как березка. И муж Ведомы, воевода Равдан Краянович, тоже был

высок и хорош собой. Прияна в свои десять лет не сомневалась, что вырастет такой же, как сестра, а значит, и муж ей требуется не хуже, чем Равдан.

И вот, поглядите на это сокровище! Обычный мальчишка, ростом кормильцу по плечо, белобрысый и хмурый. Однако именно он шагал впереди дружины и первым вошел в ворота Свинческа. Путь русов лежал от берегов Ильмень-озера, — говорили, что там у Святослава есть собственный город, — в Киев, где с нетерпением ждала его мать, Эльга.

Княгиня Прибыслава первой выбежала юному гостю навстречу, наклонилась, поцеловала. Они состояли в родстве: Прибыслава Остроглядовна приходилась Святославу двоюродной племянницей, хоть и была старше лет на пять. Он принял ее ласки, но даже не улыбнулся — это заметила пристально наблюдавшая за ним Прияна. Княгиня обняла его кормильца, Асмунда, потом к ним навстречу вышел князь, Станибор. Гостей повели в гридницу, следом направились смолянские бояре. Ведоме тоже приходилось идти: как воеводской жене, ей надлежало быть под рукой у княгини.

— Иди дома посиди. — Она легонько подтолкнула Прияну к их избе здесь же, в Свинческе. — Как будет можно, я пришлю за тобой.

Послали за Прияной, против ожидания, очень скоро. Она лишь немного поиграла с племянницей, годовалой Орчей, и даже не успела как следует обдумать, можно ли надеяться, что Святослав когда-нибудь станет таким же высоким и красивым, как Равдан. Когда она вошла, пир в гриднице уже шумел вовсю: говорили все одновременно, отроки носили блюда, над столами плыли братины, будто лебеди по волнам хмельного питья.

— Иди, поднеси меду жениху! — Станибор махнул ей рукой. — Познакомитесь.

Прияна чинно взяла у кравчего чашу — небольшую, зато из серебра с самоцветами, на ножке, греческой работы, — и направилась к сидевшему на почетном месте Святосла-

ву. Он поднял глаза. Она подошла и застыла, ожидая, пока он встанет. Все женщины ее рода — и по отцовской ветви, и по материнской — во многих поколениях числили поднесение чаш среди своих первейших священных обязанностей. В свои десять лет она не просто умела это делать — это умение текло в ее крови. Для своих лет Прияслава, младшая дочь Сверкера, была довольно рослой, и за внешность могла не беспокоиться. Светло-русая коса до пояса опрятно заплетена, на шелковой ленточке, заменяющей очелье, два простых серебряных колечка у висков. Платье голубой шерсти — из того же куска, что у Ведомы, синий поясok своей работы — ровный, красивый. Кафтанчик из тонкого белого сукна, с отделкой золотисто-желтого шелка по краю, с длинным рядом блестящих бронзовых пуговиц. Ради такого дня Ведомка дала ей одно из своих ожерелий: черные бусины с белой волной и зелеными глазками красиво смотрелись на кафтане, а в середине блестела серебряная подвеска с изгибающимся зверем — свейской работы.

— Будь цел и благополучен под нашим кровом, Святослав Ингоревиц, и пусть боги дадут тебе удачи на твоём пути, — отчеканила Прияна, и волнение ее проявилось лишь в том, что лицо ее стало еще более строгим и гордым.

Святослав взял у нее чашу.

— Благо тебе буди, — буркнул он и отпил.

Прияна не уходила, а продолжала его разглядывать. Светлые волосы были бы красивы, если их как следует расчесать; нос немного вздернут — ой, как плохо. Нет, никогда ему не стать таким красивым, как Равдан!

— А почему на тебе одежда вывернута? — спросила она.

— Потому что моего отца убили. — Он коротко взглянул на нее своими голубыми глазами.

Прияна поняла этот взгляд: так смотрят мальчишки, которые считают, будто разговаривать с девчонками ниже их достоинства.

— Разве некому сшить тебе горевую сряду? — Она подумала, что могла бы это сделать, если бы хватило времени.

— Это и есть горевая сряда. — Он дернул плечом.

— Но так ходят только в первые дни. Разве твоего отца убили недавно?

— Его убили осенью. Но я буду ходить так, пока не отомщу. Моя месть не остынет ни через три дня, ни через три месяца.. Но я скоро отомщу.

Прияна помолчала. Он больше ничего не сказал и не смотрел на нее.

— Моего отца тоже убили, — произнесла она, не дождаввшись, пока он возьмет на себя труд поддержать беседу.

— Да? — Святослав все-таки взглянул на нее, и было видно: это ему любопытно. — Кто?

Прияна еще помолчала. Но он ждал.

— Твой отец, — сказала она, повернулась и ушла из гридницы.

Глава 1

Киев. 6-й год княжения Святослава

В последний день перед Колядой Эльге хватало забот, и никого другого она бы не стала принимать, но Жельке отказать не могла. Эту женщину она знала много лет: ровно столько, сколько сама прожила в Киеве. В далекой юности Желька была одной из жен такого же юного тогда Ингвара — из числа пленниц, добытых им в первых походах. Перед свадьбой Эльга потребовала удалить прочих жен — хотя бы до тех пор, пока сама она не родит сына, — и он роздал их гридням. Желька досталась Гримкелю и прожила с ним без малого пятнадцать лет. До той губительной осени, что, будто удар топора, разделила жизнь Эльги на две части: с Ингваром и после него. Гримкель погиб вместе с князем, в тот же час. И кости их уже шесть лет лежат в общей могиле, под курганом на берегу древлянской реки Тетерев. Отправляясь каждый год, на Весенние Деда, приносить жертвы на могиле, Эльга брала с собой тех десять-двенадцать женщин, что овдовели с ней в один день. Иногда, глядя, как они в рядок причитают над насыпью, поросшей густой травой, все в белых вдовьих платках, она невольно думала: дружина Мары. Ее, Эльги, дружина...

Четверо сыновей Жельки служили в гриднях Святослава, старший уже успел жениться и жил своим домом. Сама она по-прежнему уверенно хозяйничала на своем дворе — постаревшая, расплывшаяся и растерявшая половину зубов, без следа красоты, за какую Святослав когда-то выбрал ее из тол-

пы ревущих пленниц. Впрочем, Эльга никогда не находила ее особенно красивой — да и много ли той красоты надо, чтобы прельстить молодого парня в походе?

В этот пасмурный зимний полдень Жельку привело к княгине важное дело. Мало кто решился бы лезть без зова в княгинин двор на Святой горе, но Желька знала, что ее-то Эльга примет.

— Жалуюсь я на соседа, Горелу-бесомыку!¹ — воинственно уперев руки в пышные бока, докладывала она Эльге, сидящей на покрытой шелком укладке. — У нас вся улица его, беспуту, знает, он был кузнец, да спился в дым, уж который год не работает, а только по дворам колобродит! И как мне ключник говорит поутру: мол, куры пропали! — я и говорю: ступай к Гореле, видать, там! И что ты думаешь? Там и наши сынки моих кур!

— Забрали? — улыбнулась Эльга.

Не стоило сомневаться: четверо Гримкелевичей — княжьих гридней — сами управились с бывшим кузнецом.

— Кости обглоданные забрали! — Желька потрясла раскинутыми руками, будто изображая содрогание неба от такого безобразия. — Одиннадцать кур вынес, лысый шишок, шесть сожрать успел!

— Шесть? — Эльга наклонилась к ней. — Сожрать шесть кур? Это сколько же вы их искали? Неделю?

— Ночью вынес, до свету сожрал! Шесть, матушка! Как только не лопнул!

— И как? — недоверчиво засмеялась княгиня.

— Может, лопнет еще. Лежит, только стонет: берите ваших кур, все берите, только отстаньте...

— Видно, не ел давно, — вздохнула добросердечная Ута. — Вот и накопился...

— А что с него теперь взять, с пропойцы? — возмущалась Желька. — У него одни порты дырявые!

¹ Бесомыка — гуляка, шатун. (Здесь и далее примечания автора.)

— Хочешь, чтобы отработал?

— Да куда мне это чучело? Добро бы мог работать — а то ведь не может, только корми его задаром!

— Ну, так чего пришла?

— Как — чего? — Желька вытаращила глаза. — А горе мое вдовье излить? — По пути сюда она кипела возмущением, но теперь, выговорившись, вдруг обнаружила, что больше ничего ей, собственно, и не нужно. — Первый раз в жизни вижу, чтобы человек шесть кур за утро успел слопать! Лежит, а кругом кости, будто Кощей! Чего я теперь жарить буду? Придут ночью люди, а я им что — кости глоданные? Раданка говорит: ты, мамка, его и пожарь. А чего там жарить, было б чего жарить...

Но Эльга замахала рукой:

— Как отлежится, прикажи сыновьям, пусть вздуют его...

— Эту ветошку старую? Да его Икмоша только рукой возьмет, он и переломится!

— А пуще ключника. У него весь курятник вынесли, а он проспал? Ступай, мать, мне дела много...

Желька пошла прочь, по дороге рассказывая гридням и челяди — всем, кто попадется, — об этом чуде. Теперь она сможет целую ночь повествовать об этом всем, кто придет петь у нее на дворе, и тем будет вполне вознаграждена за убыток.

Княгиня засмеялась, покачала головой. Чего только не бывает в жизни!

«Лежит, а кругом кости, будто Кощей...»

Эльга бросила взгляд на Уту: наверное, они подумали об одном и том же. Еще в детстве, семилетними девочками, они видели избушку в глухом лесу, усыпанную старыми костями. С тех пор прошло без малого тридцать лет — целый век человеческий! — и теперь уже Эльге казалось, что тот лесной двор им примерещился... что он застрял в памяти из бабкиных сказаний, что они сами придумали,

будто ходили туда, и сами поверили, как это бывает у детей. И то, что случилось потом... двадцать лет назад, в тот день, когда она, Эльга дочь Вальгарда, навсегда покинула родной край на берегах реки Великой, им тоже примерещилось...

Но не стоит сейчас об этом вспоминать. В день солоновороты не надо думать о тех мертвых, кого не зовешь на свое угощение.

* * *

К вечеру на Святой горе было не протолкнуться — а ведь Эльга поставила здесь широкий новый двор, зная, что гостей принимать придется много. Она занялась этой постройкой сразу после смерти Ингвара: той же зимой, еще пока войско ходило в Деревлянь, распорядилась отправить мужиков в княжий бор валить бревна. Не хотела оставаться одна в доме, где они столько лет прожили с Ингваром. Глаза не глядели на эти стены, на эти лавки, столы, полки, где каждая деревяшка помнила прикосновение его рук. Казалось, в ту осень и зиму все здесь пропиталось ее тоской и скрытым ото всех отчаянием. Она и раньше знала, что такое терять близких. В год ее замужества погиб отец, потом мать ушла в избу Буры-бабы — все равно что на тот свет. Со смертью старших мириться, ибо изначально знаешь, что им придет срок идти к дедам, а тебе оставаться. Куда тяжелее терять свою пару — того, с кем собирался весь век тянуть упряжку вдвоем. И вдруг обнаружить, что в ярме жизни остался один.

Эльга надеялась оставить эту тоску на старом месте, где ее быстро разобьют в пыль молодые, бодрые голоса Святослава и его отроков. С собой в новый дом унесла лишь тайную печаль — будто колечко, снятое с руки и спрятанное на память.

Но по велик-дням пиры задавались у нее, а не у Святослава. У княгини на Святой горе и простору больше, и за